Скандал в Институте благородных девиц

Автор:
Марина Ефиминюк

Скандал в Институте благородных девиц

Марина Владимировна Ефиминюк

Волшебная академия (АСТ)

Ни одна душа в королевстве не догадывается, что под псевдонимом Бевиса Броза, автора романов для взрослых, прячется студентка Института благородных девиц София Вермонт. И она готова на все, чтобы сохранить скандальный секрет. Испортить жизнь новому преподавателю, разыскивающему писателя? Легко! Ведь на кону стоит репутация не только Софии, но и целого магического рода.

Марина Ефиминюк

Скандал в Институте благородных девиц

© М. Ефиминюк, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

В просторном кабинете, где даже в жару обычно сохранялась приятная прохлада, сегодня сгустилась жутчайшая духота. Уилс ди Норберг,

достопочтенный мэр Аскорда, обтер платком взмокшую лысину. Вороватый взгляд мазнул по срамной картинке в книге, и шелковый галстук начал не просто давить, а натуральным образом удушать. Мэр засунул палец за воротник и оттянул узел, но не помогло. Три глотка успокоительного настоя, ядрено пахнущего валерьяной, растворились в подступившей к горлу желчи.

Норберг снова бросил быстрый взгляд на страницу. Несмотря на все ухищрения, обмануть собственное зрение не выходило. Гравюра по-прежнему казалась вопиюще непотребной! Что за напасть такая? Тут не травки стоило хлебать, а крепкий королевский виски! Желательно прямо из бутылки.

От злости он захлопнул книгу, и обложка захохотала в лицо беспутным именем – Бевис Броз. Немедленно вспомнился вечер накануне, когда во время семейного ужина старшая дочь Эвара, изящными движениями разрезая на кусочки мясо, как будто между делом объявила:

– Дорогие родители, я должна выйти замуж. Я, знаете ли, жду ребенка от господина Броза. Он известный писатель, то есть отличная партия. Папочка, ты же сможешь выбить у короля какой-нибудь титул? Мне думается, что имя Бевис ди Броз на книжных обложках будет смотреться внушительнее. Только не меньше лорда, пожалуйста.

В трещащей голове барабанной дробью простучало слово «позор» и как гром прогрохотало «скандал». Было, правда, в довесок еще одно словцо, но в приличном обществе его не произносили, а прикрывали деликатным выражением «откровенный роман». Кошмар откровенный! Впору в гроб ложиться, руки на груди складывать и тихо умирать! За что на его седины… кхм… лысину такие испытания?

Писатель?! Да разве ж человек, не лишенный литературного вкуса, станет строчить подобную ересь? Перед глазами стояла срамная гравюра, где обнаженный атлет с кубиками в том месте, где у нормальных мужчин вырастал благородный живот, дерзко и решительно сжимал молочно-белые упругие бедра беспутной девицы. Про «молочно-белые» и «упругие» опозоренный отец, конечно, додумал сам. Не то чтобы он читал бульварную книжонку, но глазами по десятку страниц пробежался, а потом уперся в картинку, как в забор…

Мэр снова схватился за чашку с успокоительным отваром и сделал внушительный глоток. За тридцать лет он ни разу не видел дражайшую супругу, мать его пяти дочерей, полностью обнаженной. Даже щупать сухопарое тело госпожи ди Норберг дозволялось исключительно через ночную сорочку. Да какой там щупать! Осторожно притрагиваться, чтобы случаем не попрать женской чести и не задеть достоинства.

Святые угодники! Как представилось, что этот паршивец Бевис Броз проделывал с Эварой непотребщину из этого, с позволения сказать, вольного сочинения на эротическую тему, так к горлу подкатывала горечь.

В дверь осторожно постучали, повернулась ручка. На пороге трясся секретарь.

– Где он?! – прогрохотал мэр. – Привели?!

– Господин мэр… Стражи передали, что это… господин Броз… вчера ночью покинул столицу. Никто не знает, в какую сторону он подался.

– Как покинул? – Опершись о крышку стола, Норберг медленно поднялся. От его мощной фигуры волнами исходил гнев. Лицо и шея покрылись красными пятнами.

– Как-то… – промямлил служащий, становясь белее савана.

– И никто подлеца не видел?

– Уехал под покровом ночи. Даже записочки не оставил, а еще квартирной хозяйке не заплатил…

Сердце у градоначальника вдруг нехорошо екнуло и принялось ныть. Как же так вышло, что у него, мэра столицы, особы, приближенной к королю, дочь понесла, как охочая драконица от безродного попугая?

И тот посмел улететь?!

– Поймать и доставить ко мне. Хоть связанным, хоть переломанным, – тихо произнес Норберг, а потом заорал как бешеный: – Поймать Бевиса Броза!

Глава 1. Неблагородные увлечения благородных девиц

– Кому принадлежит сия мерзостная штука?! – Декан законоведческого отделения Ру Итар потрясала над головой рукописной копией эротического романа Бевиса Броза «Белоснежка и семь рыцарей».

Самодельную книжку, по иронии, наставница обнаружила в классе этикета и хороших манер, ужаснулась попранию канона о занятиях и поведении благородных девиц и устроила скандал. Судя по тому, как она взбеленилась, содержание книги ей было знакомо. Вот уж от кого я никак не ожидала! Вещь ведь эпичная: одна блондинка на семь влюбленных самцов, такая «мужиконеделька».

Ни одна из благородных девиц в ясном рассудке и трезвой памяти не торопилась признаваться в пагубном пристрастии к «клубничке». В каноне студенткам Института благородных девиц разрешалось вышивать, музицировать и рисовать акварелью, но никак не читать эротические романы. Хуже было только их переписывать и копии давать читать по десять монет за штуку.

Судя по испуганному лицу Риты Пиботи, придумавшей нехитрый способ заработать, она понимала, что влипла по самые уши. Только настоящей фее могла прийти в голову гениальная идея устроить в институте подпольную библиотеку с запрещенной литературой. Лесной народ вообще отличался хитростью и смекалкой.

В сущности, схема была проста. В книжной лавке покупался любовный роман и делился между участницами литературного клуба. С неделю, как трудолюбивые каллиграфы, они переписывали книгу, а потом собирали в монструозную рукопись с ошибками, нечитабельными кусками и перепутанными страницами. Но даже некачественные копии разлетались, как горячие пирожки. Студентки записывались в очередь, чтобы почитать Бевиса Броза или братьев Гриммальди, а на новую «Золушку» Шарли Пьетро, если верить подруге, вообще список ожидания растянулся до конца учебного семестра.

– Святые угодники, как чихнуть-то хочется! – Рита шмыгнула носом.

Чихать подружке точно не следовало. Ведьма Ру как раз заканчивала перечислять причины, почему после окончания института мы устроимся на хорошую службу только через постель (на слове «постель» некоторые благородные девицы мечтательно вздохнули), и была готова переключиться на всякую жертву, неосмотрительно подавшую голос.

Хотя как не заметить единственную на курсе фею? Ри всегда выделялась из толпы разноцветными волосами и ярко-фиолетовыми глазами с неподвижным, точно у куклы, зрачком. Настоящая удача, что лесные боги так дико хохотали, когда подбирали палитру для шевелюры, что забыли привесить на спину Риты крылья, как у бабочки или стрекозы.

Впрочем, не наследнице обнищавшего магического рода издеваться над чужой внешностью. Мне и сестре повезло выглядеть обычными людьми, но никто не поручился бы, что наши внуки не начнут стращать народ вертикальными зрачками. С наследственностью не поспоришь. Иветте и так достались разноцветные глаза. Один зеленый, как у мамы, другой синий, как у папы. Никого не обидела.

Ри все-таки чихнула. Звонкий чих, словно взрыв хлопушки, перебил наставницу.

– Госпожа Пиботи, вам есть что сказать? – немедленно выстрелила она пронзительным взглядом.

– Извините, – вжала голову в плечи фея.

– А вам, госпожа Вермонт? – попала я под раздачу, потому что стояла рядом.

Не успела я поклясться, что не прикладывала даже мизинца к копированию любовного романа, как в бальную залу, где нас чихвостили, заглянула секретарша ректора Милдрет. В тишине простучали каблучки, и она что-то зашептала на ухо наставнице.

– Уже? – недовольно изогнула та брови. – Говорили, что не раньше следующей недели!

Милдрет развела руками. Мол, ничего не знаю, матушка, не срывайте гнев на гонце с дурными вестями.

– Вечно все не как у людей… – Ру пришла в еще большее раздражение и повернулась к нам: – Дамы, раз вы забыли, как должны себя вести благородные девицы в стенах приличного учебного заведения, но очень любите тратить чернила на всякую гадость, то завтра каждая сдаст по копии переписанного канона!

Девушки застонали, а мне захотелось завыть на люстру. Что ж так не вовремя-то?

– Я слышу недовольство? – сверкнула гневным взглядом деканша.

– Нет, наставница Ру, – нестройным хором отозвались мы.

– София, завтра до трех все копии должны лежать у меня на столе. Ясно?

– Хорошо, – присела я в книксене.

Она вечно держала меня вместо девочки на побегушках. Приходилось подчиняться, ведь безотказные, чуточку неловкие простушки никогда не носили за пазухой страшных секретов, способных покрыть позором древний магический род. Хотелось бы сказать «чтоб ему пусто стало», но Вермонты давно разорились. Ни магии, ни счетов в монетных дворах. После смерти родителей поместье ушло с молотка, наследство отписали за долги. Я училась на стипендию от мецената, хозяина мануфактур «Драконы Элроя», а пансион сестры оплачивала лично заработанными деньгами.

– Дерзайте, дамы! – чопорно кивнула наставница и поспешно покинула зал. Рядышком перебирала каблучками Милдрет.

Едва дверь в бальную залу закрылась, напряженная тишина взорвалась воплями. Благородные девицы голосили, как рыночные торговки. Особенно громко возмущалась Рита, желавшая узнать, кто подвел выпускной курс изящной словесности под переписывание канона. Послушать фею, так она лично планировала страдать над заданием ведьмы Ру, а не перепоручить важную

миссию боевым подругам из литературного клуба.

Пока однокурсницы собачились, я незаметно сбежала в библиотеку, где царили тишина и спокойствие. Воздух пах книжной пылью, а не звенел от криков. Смотритель тихо посапывал в каморке, делая вид, будто разбирает собрания сочинений древних философов. Ученицы младших курсов корпели над домашней работой.

Едва я разложила письменный набор и принялась выводить строчки из треклятого канона, как в библиотеку ворвалась взбешенная Рита. Она плюхнулась за стол рядом со мной.

– Черный список пополнен! – рыкнула подруга. – Надо же было забыть на подоконнике именно «Белоснежку»! Осталась всего одна копия, а очередь на пять человек. Ой, ты уже канон пишешь?

– Угу, – отозвалась я, опуская в чернила учебное перо. – Раньше сядешь, раньше встанешь.

– Ладно, а меня ждет Шарли Пьетро…

На некоторое время Рита исчезла за книжными стеллажами – там, где на тайной полке за Священным Писанием литературный клуб прятал любовные романы. Подруга вернулась с томиком, для конспирации завернутым в газетный лист, и принялась за работу. Видимо, канон все-таки поручила кому-то из участниц литературного клуба. Еще бы! Кто откажет предводительнице?

Подружка писала как курица лапой. Перепачканный чернилами палец ерзал по странице книги, беззвучно шевелились губы. Изредка она принималась костерить пятикурсницу, отдавшую «почти нечитанную» рукопись в лапы идейного врага эротических романов. От скучного канона и ворчания феи мне хотелось выть на трещины в потолке, но тут в библиотеке появилась Диара Арно. Наша третья соседка по каморке в общежитии и дочь владельца мануфактур из соседнего с институтом городка. Теперь возникло желание кусаться.

Большую часть времени Ди жила дома, но раз в неделю после очередного тайного от родителей свидания ночевала в пансионе. Видимо, сегодня как раз

случилась «черная» ночь.

– Привет, канцелярские мышки, – поздоровалась Диара и присела на краешек стула. – У меня такая новость!

– Ты решила переехать в другую комнату? – хмуро уточнила Рита.

– Нет. – Она улыбнулась и похлопала длинными подкрашенными ресничками. – Я привезла от папочки трюмо. Оно антикварное, так что не трогайте руками.

Не представляю, куда она втиснула трюмо. Разве что вместо своей кровати… или Ритиной… или моей?!

– Мне пришлось загородить окно, – видимо, прочитала она в моем лице желание рявкнуть. – Все равно через три месяца вы съедете.

– Как мило, – сухо прокомментировала я.

Наша комната была похожа на склад ненужной в особняке Арно мебели. Большой комод, двустворчатый шифоньер, на полу – толстый палас. На стене висела картина с летающими над ромашковым полем драконами, нарисованная самой госпожой Арно. В разнообразие обстановки с трудом вписались три кровати, и ни одного стола. Уроки приходилось делать в библиотеке.

Прожив год в тесноте, мы с Ритой заикнулись, что хотели бы отселить лишнюю мебель в чулан, и комендант предложила нам самим переехать в этот самый чулан, а дорогую обстановку оставить в покое. Вроде как у двух благородных магических дев, в отличие от шкафа, ножки точно не отвалятся и дверцы скрипеть не начнут.

– Что вы привязались к трюмо, когда тут такая новость? – всплеснула она руками. – В замок приехал новый преподаватель по семейному праву! Представляете? Я возвращалась от папочки, а он как раз заходил через парадные двери!

– Неужто всамделишный мужчина? У нас? – с ярко выраженным южным акцентом выдохнула за соседним столом «законница».

– Точно сорока лет нет.

Мы с Ритой переглянулись. Теперь ясно, почему ведьма Ру так всполошилась. В Институте благородных девиц появился учитель, не достигший гробового возраста! Безусловно, у нас преподавали мужчины, целых три штуки. Из философа сыпался песок, от профессора математики за милю несло немытым телом, а учитель черчения Эдон Рауф, хоть был молод и не пахуч, не вышел ростом и плевался во время разговора. Другими словами, ни один их троих мужчин не воспринимался благородными девами как объект мечтаний и плотских желаний.

Заслышав новость о новом профессоре, к нашему столу подтянулись студентки. Оказавшись в центре внимания, Диара расцвела.

– Я подслушала разговор наставниц, – заговорщицким тоном объявила она. – Похоже, он приехал из самого Аскорда и будет жить на учительском этаже!

– Да ты что! В общежитии, а не в городе? – охнули слушательницы. – Он хорош собой?

– Я его только сзади видела, – призналась сплетница.

– И как узнала, что ему меньше сорока? – с иронией уточнила я.

– У него затылок молодого мужчины и спина вот такая! – соседка нарисовала в воздухе кривоватый треугольник.

– С искривлением позвоночника? – уточнила я.

– Много ты понимаешь. – Ди зевнула. – Все, я спать, а то папочка меня возил в Торговый дом, сильно умаялась.

Сплетницы разошлись по читальному залу, а Диара, покачивая бедрами, направилась к дверям.

– Знаем мы ее «папочку», – фыркнула Рита и вернулась к переписыванию любовного романа.

Через два часа я закончила с каноном, подруга сладко заснула, прижавшись щекой к исписанному наполовину листу, а библиотечный зал опустел. Смотритель потушил большие огни, горел только световой камень в настольной лампе. Когда сияние потускнело, щипцами я сняла нагар, и голыш вспыхнул с новой силой, распугав темноту за книжные шкафы.

Я потрепала по плечу сопящую Риту. Вздрогнув, та подняла голову и вытаращилась большими фиолетовыми глазами с застывшим расширенным зрачком.

– Уже утро?

– Нет, иди спать.

– Ты не закончила? – Она потянулась всем телом и широко зевнула, мелькнув клыками. На щеке темнела чернильная клякса.

– Почти, – соврала я.

– Ладно, не засиживайся до утра. – Подруга сложила письменный набор, собрала в специальную папку исписанные страницы. Тоненько звякнула крышка на чернильнице.

Когда я осталась одна, то прислушалась к тишине. Никого. Институт заснул, а значит, пришло время для работы. Бесшумно, точно мышка, я прокралась в отдел магической литературы. Предмет в институте не преподавали, но фолианты были отданы Королевской Академией, и ректор постеснялся отослать ненужный подарок. Книги разместили в глубине библиотечного зала, куда лишний раз не заглядывал даже смотритель. Идеальное место для тайника.

Ради конспирации я не зажгла ни свечу, ни магический камень. Столько раз лазила на полки, что уже по памяти знала, какие тома вытаскивать. За пухлыми пыльными фолиантами была спрятана папка, завязанная на ленты. Хотелось бы мне наложить заклятье невидимости или охранный заговор, чтобы никто не подсмотрел внутрь, но силенок на сложное колдовство не хватало. Зато я вполне могла использовать артефакторное перо, менявшее почерк.

Я вытащила свое сокровище. Одна и та же папка, хранившая страшный секрет многих рукописей. Узнай кто, скандал сотряс бы каменные стены института и по инерции докатился бы до столичного пансиона, где училась младшая сестра Иветта. Скорее всего, даже предки Вермонт от потрясения синхронно перевернулись бы в гробах, замурованных в семейном склепе на кладбище Эсхоль!

Я писала эротические романы под мужским псевдонимом Бевис Броз.

* * *

Слух о столичном преподавателе разнесся по замку со скоростью ветряной оспы, даже быстрее. На следующий день после занятий студенток согнали в бывший тронный зал для официального знакомства. В огромном гулком помещении ровными рядами стояли длинные деревянные скамьи, отчего зал походил на храм святых угодников. Только вместо алтаря на возвышении, где когда-то красовался трон, дыбилась трибуна для выступлений, а влажные потеки на каменных стенах скрывали королевские стяги.

Пока преподаватели не появились, нечеловеческими усилиями я выбивала из выпускниц переписанные каноны. Казалось, что у девиц собирали не обязательное письменное задание, а шиллинги на пожертвование погибающим от голода в Волшебном лесу змеевидным драконам. Пока я вырывала из рук сокурсницы недоделанную работу, в зале воцарилась мертвая тишина. Отобрать-то вышло только потому, что девчонка ослабила хватку и вытаращилась в сторону сцены.

Я оглянулась. Преподаватели и деканы всех отделений выстроились ровной шеренгой, словно военные хористы перед выступлением. На переднем плане блаженно улыбался пузатенький ректор. Рядышком стискивал портфель незнакомый сутулый очкарик в отвратительном сером костюме. Это был новый преподаватель, и он вопиюще не соответствовал ожиданиям мечтательных студенток. В воздухе веяло горьким разочарованием. Пахли разбитые надежды сгоревшей кашей, зловоние от которой проникало из пристройки в тронный зал через раскрытые стрельчатые окна.

– София, вам удобно стоять? – выгнула бровь декан отделения изящной словесности госпожа Орди. Зал съежился на скамейках, и только я торчала

между девицами, словно огородное пугало, воткнутое в цветущую клумбу.

– Я собрала каноны, – в гулкой тишине выпалила я и потрясла пачкой работ.

– Сядьте!

– Так точно, мадам! – подчиняясь приказу, я опустила пятую точку в сторону лавки. Принимать пассажира на колени было сомнительным удовольствием, и благородные девицы немедленно раздвинулись, освобождая место.

– Вермонт, не толкайся локтями, – крякнула соседка справа.

– В тесноте, да не в обиде, – едва слышно процитировала я «Белоснежку и семь рыцарей». Правда, смысл в эротическом романе вкладывался несколько иной… Клянусь потухшей силой рода Вермонт, иногда не верилось, что именно я была автором известного на все королевство непотребства. Издатель утверждал, будто «мужиконеделька» переплюнула в продажах даже продолжение «Золушки» Шарли Пьетро.

– Дорогие дамы! – заговорил ректор высоким голосом. – Позвольте представить нового преподавателя законоведческого отделения Кристофа Ленара. Он выпускник Королевской Академии и до недавнего времени служил в столице. Теперь нам выпала честь принимать столь выдающегося молодого человека в стенах нашего скромного учебного заведения.

– Добро пожаловать в Институт благородных девиц! – с заднего ряда зааплодировала Милдрет.

Воодушевления секретаря благородные девицы не разделили и радоваться не торопились. Когда аплодисменты стихли, в зале вновь воцарилась похоронная тишина. Хотя, полагаю, даже на панихидах было веселее. В поместье колдовского семейства точно. Мы только бабку Вермонт четыре раза хоронили, а потом три месяца по дому отлавливали неупокоенный бабусин дух!

– Здравствуйте, – произнес Кристоф Ленар неожиданно красивым голосом, совершенно не соответствовавшим простецкой внешности, и поклонился.

С носа моментально соскочили большие очки в тяжелой оправе и звякнули о дощатую сцену. Тихо извинившись, преподаватель потянулся за окулярами, и из кармашка пиджака выскользнуло чернильное перо с колпачком. Следом из рук выпал кожаный портфель. Коллективно затаив дыхание, мы ждали, когда он рухнет сам, но не случилось. Кристоф с честью усмирил взбрыкнувшие аксессуары, но на веки вечные лишился возможности попасть в список «всамделишных мужчин» и угнездился на одной ступеньке мужской эволюции с плюющимся чертежником Эдоном Рауфом.

– Извините, – суетливо поклонился Ленар в сторону деканов. – Простите, господин ректор.

– Ничего-ничего, с кем не бывает.

Шесть лет учусь, а ни разу ни с кем подобного конфуза не было.

– Ну, раз познакомились, то давайте расходиться, – поторопился ректор к началу обеда, ведь еду в институте давали строго по расписанию. – Господин Ленар, вас проводят на учительский этаж.

Ректор бросил быстрый взгляд на наставницу Ру. Мол, кому оказать честь? Я бы удивилась, выбери она кого-то другого.

– София, вам по пути. Проводите господина Ленара, – приказала она.

Я спокойна и безмятежна, как тихая гладь озера, чтоб старую ведьму сожрали ядовитые драконы!

– С удовольствием, декан Ру, – поднялась я со скамьи.

Расходился народ в гробовом молчании, точно после поминок, а мы с Ленаром так и торчали в зале. Я в проходе, он – на сцене, и нервно переглядывались.

– Пойдемте? – намекнула я, что жду высшего соизволения тронуться в сторону учительского этажа.

– Конечно, – спохватившись, спустился он со сцены и приблизился ко мне. – Вам, вероятно, пора возвращаться к занятиям.

– Сейчас время для самостоятельной работы.

– Я еще незнаком с расписанием, – пробормотал он и поправил сползавшие очки. От Кристофа Ленара божественно пахло дорогущим одеколоном, минимум тридцать шиллингов за унцию. Никогда бы не подумала, что он разбирается в благовониях.

– Нам туда… – указала я на выход из зала и немедленно зашагала в нужном направлении. Так сказать, показывая на личном примере, что не стоило задерживаться в коридорах, а следовало быстренько дошагать до учительского этажа и не позволить голодной студентке пропустить обед. На пятом повороте я осознала, что не слышу за спиной шагов Ленара. Отбился, что ли, чудо в перьях?

Резко оглянулась. Новый преподаватель, оказалось, следовал за мной по пятам. Шел бесшумно, как кошка.

– Что-то случилось? – вежливо уточнил он.

– Ничего, – принужденно улыбнулась я.

Но в следующий момент кое-что действительно случилось. Я со всего хода впечаталась в колонну, посмевшую вырасти на пути стремительной и легкой, как горная лань, благородной девицы. От удара из глаз посыпались искры, из рук – шестьдесят переписанных и прошитых нитками канонов, а с уст сорвалось залихватское ругательство, достойное бывшего привратника поместья Вермонт, убежденного сквернослова.

В гулкой рекреации воцарилась ошарашенная тишина. Не знаю, кто из нас сконфузился сильнее.

– У вас очень разнообразный словарный запас, – вдруг вымолвил он.

– Я учусь на отделении изящной словесности.

– Это многое объясняет.

Одновременно мы нагнулись к рукописям и вмазались лбами. Ленар устоял, но уронил очки, а я приземлилась на пятую точку и едва сдержалась от повторной демонстрации разнообразного словарного запаса.

– С вами все в порядке? – испугался мужчина.

– Угу, – сквозь зубы процедила я.

Водрузив на нос очки, учитель начал собирать бумаги, хотя было бы неплохо, помоги он собрать с пола меня. Повозившись, я приняла благопристойную позу. В смысле, позу изящно присевшей на корточки благородной девицы. Без разницы, что принимать пришлось из положения лежа.

Сгрести рукописи в четыре руки много времени не заняло.

– Возьмите, – протянул Ленар свою часть стопки.

– Благодарю, – вежливо ответила я и тут заметила, что на светло-сером пиджаке растеклось чернильное пятно. Похоже, колпачок соскочил и перо со страху выпустило в карман чернила!

– Ваш пиджак! – воскликнула я, указав на стремительно растущую кляксу.

Судя по лицу, Ленар из последних сил сдерживался от крепких выражений. С брезгливым видом он вытащил из кармана опустевшее перо, потом в отчаянье сунул обратно и процедил:

– А дорожный сундук доставят только ночью.

– Тогда скорее раздевайтесь! – спохватилась я и бросилась стягивать с него испорченную вещь.

– Госпожа Вермонт, что вы делаете? Не надо срывать с меня одежду! – вцепился он в полы пиджака, как невинная девица в пояс целомудрия.

– Я не срываю, а спасаю вашу рубашку! – дернула я посильнее.

– Далась вам моя рубашка!

Мы уставились друг на друга. Со стороны картина и впрямь выглядела неприлично. Преподаватель стоял на коленках, а студентка, как тигрица, стаскивала с несчастного забитого мужика одежды.

– Вы правы! Раздеваться посреди коридора нехорошо, – твердо произнесла я и, подхватив рукописи, поднялась с пола. – Разденетесь сразу в уборной.

– Зачем?

– Помогу вывести пятно.

– Я умею, знаете ли, стирать.

– А я колдовать.

– Вы победили, – немедленно сдался он. – Где здесь мужская уборная?

Конечно, где-то мужская комната существовала, но тайное расположение этого сокровенного места меня никогда не интересовало.

– Мне нельзя туда заходить, – выкрутилась я. – Пойдемте в дамскую?

В дальней туалетной комнате никогда не бывало народа, даже уборщики лишний раз не заглядывали. Последнее обстоятельство особенно сильно ощущалось в воздухе. Ленар спрятался в кабинке, а потом из-за приоткрытой двери появился замусоленный чернилами пиджак. В образовавшуюся щель я увидела превосходную широкую спину, обтянутую дорогой рубашкой.

– Всего пять минут, – поклялась я.

В каменную раковину ударила струя воды. Намочив руку, я приложила к чернильному пятну ладонь и прошептала заклинание. Кожа тускло засветилась,

и клякса начала постепенно растворяться. Нехитрому бытовому колдовству меня учили в поместье. Родители специально наняли гувернантку со способностями, закончившую Магическую Академию. Девушка была ужасной занудой и страшно нервничала, когда мне не хватало силенок проделать что-то посложнее, чем оттирание чернильных пятен от испорченных нарядов.

Монотонная работа позволила сосредоточиться на неожиданно возникшей неприятной мыслишке. Само собой, никакого практического опыта в любви я не имела, но в теории была подкована. (Храните, святые угодники, анатомический справочник и восточный трактат «О плотских утехах» с картинками!) За два года я описала столько мускулистых мужских тел, что могла с уверенностью утверждать: под одеждой Кристоф Ленар прятал отличную фигуру. Сутулиться и выглядеть нелепым он явно не привык.

Тогда для чего устроил представление? Испугался внезапных, как городские голуби, благородных девиц? А что нас бояться? Мы же не кусаемся. По крайней мере, не все. За фею не поручусь, у нее есть клыки.

– Держите, – подала я пиджак с влажным потеком вместо чернильного пятна.

Некоторое время Кристоф возился с одеванием и вынырнул из кабинки уже облагороженный, насколько возможно быть облагороженным и опрятным в мокрой одежде. Едва мы отперли щеколду на двери и попытались незаметно уйти, как столкнулись с Милдрет. Секретарша удивленно моргнула, на всякий случай глянула через плечо, вероятно, подозревая, что ошиблась этажом.

– Госпожа Вермонт устроила мне экскурсию по замку! – нашелся Ленар. – Начали с отхожих мест.

– У вас мокрый пиджак, – заметила она.

– А это… – Он растерянно поскреб влажное пятно ногтем. – Краны в уборных работают преотлично. Мыть руки одно удовольствие. Очень рекомендую.

Воцарилось неловкое молчание. Замерев в дверях туалета, мы улыбались друг другу, как пациенты пансионата для душевнобольных.

– Ну, не смею вас задерживать, – раскланялся с Милдрет преподаватель. – Пожалуйста, занимайтесь тем, для чего вы сюда пришли. Не будем мешать. София, пойдемте!

– Да, нам туда! – немедленно указала я рукой в нужную сторону.

Мы ринулись к каменной лестнице, ведшей к переходу в преподавательское крыло.

– Кристоф! – нагнала нас Милдрет. – Вы оставили в кабинке свой портфель!

Ленар на секунду прикрыл глаза, видимо, попросив у святых угодников испарить предрассветным туманом навязчивую женщину, но оглянулся с вежливой улыбкой:

– Спасибо большое, а я и забыл про него.

Он забрал портфель.

– Может, вас проводить? – уточнила секретарша.

– Нет-нет, мы как-нибудь сами, – отказался он. – Ну, всего доброго…

До учительского крыла в общей сложности мы добирались больше часа, как будто шли через соседнюю деревню. Когда я вручила рукописные работы наставнице Ру, то та недовольно шевельнула губами:

– Какое счастье, госпожа Вермонт, что вы успели до заката.

– Господин Ленар попросил об экскурсии, – ввернула я удачную ложь и ретировалась из огромного ледяного кабинета деканши.

На следующий день о новом преподавателе никто и не вспоминал. Перед семинаром в классе изящной словесности обсуждали выпускные испытания. Доучиться оставалось всего три месяца, а потом я собиралась переехать в столицу, поближе к Иветте. Стряпчий семьи Вермонт пообещал присмотреть недорогое жилье в доходном доме. Там мне никто не помешает писать книги, не

придется прятать справочники и фолианты, таить рукописи…

– В библиотеке перебирают книги! Ищут любовные романы! – объявила Ри, ворвавшись в сонный учебный класс. – Еле своих деточек спасла.

В руках она держала стопку завернутых в газетные листы томиков, видимо, вытащенных с заветной полки.

– Эти изверги уже до отдела философии добрались! – проворчала она. – Что в философии может быть неприличного?

У меня бешено загрохотало сердце. Скоро проверка дойдет до стеллажей с учебниками по основам магии, а там незаконченная рукопись Бевиса Броза! Я вскочила из-за стола, заставив подругу испуганно посторониться.

– Ты куда? – крикнула она мне в спину.

– В лекарский кабинет. Если не успею до конца занятия, собери мои вещи.

Складывалось впечатление, что в библиотеке случился магический взрыв, и эпицентром страшного катаклизма являлась ведьма Ру с длинной указкой в руках. С недовольным видом она просматривала отобранные помощниками книги и отправляла их в стопку на сжигание. Я вошла в двери и, завидев деканшу, немедленно развернулась на пятках. Но сбежать, чтобы проникнуть в библиотеку через противоположный вход, не успела. Меня остановил строгий оклик:

– Госпожа Вермонт, почему вы не на лекциях?

– Профессор попросила принести справочник по грамматике.

– Берите, – согласилась она и ткнула указкой в сложенные шаткими пирамидами учебники по изящной словесности.

Некоторое время я перебирала томики, делая вид, будто не могу отыскать нужный. Вообще мне редко везет, но тут святые угодники не иначе как вознаградили бедную писательницу за долгие бессонные ночи и искреннее

желание оплатить сестре следующее полугодие в пансионе. Старый стол не выдержал веса собрания сочинений древних поэтов и рухнул. Книги разлетелись по паркету. Кажется, от грохота на потолке закачалась люстра, которую никогда не зажигали, обходясь стенными светильниками. Пока под вопли ведьмы Ру народ суетливо устранял последствия катастрофы, я скользнула за стеллажи.

В отделе магической литературы на старом скрипучем стуле восседал Кристоф Ленар и с интересом изучал пухлый томик. Я немедленно узнала трактат «О плотских утехах».

– Интересный учебник? – из вредности уточнила я.

Мужчина резко захлопнул интимный альманах и перевернул обложкой вниз. Вообще я не представляла, какой безумец решился бы повторить позы, перечисленные в трактате. В реальной жизни, а не в эротическом романе, для любого нормального человека подобная «гимнастика» представляла смертельную опасность. Я, конечно, на практике не проверяла, но подозреваю, что вряд ли мужчина способен выползти из постели любовницы без переломов, изобрази они хотя бы простейшую из перечисленных поз.

– София? – улыбка у Кристофа вышла нервная.

– Мне надо взять справочник по грамматике, – не моргнув глазом, соврала я, уверенная, что Ленар не разглядывал книги на полках и надписей не читал. Особенно когда в руки попался трактат «О плотских утехах». Просто спрятался в дальний угол библиотеки, чтобы со смаком изучить откровенные картинки, как развратный старикашка.

– Здесь только фолианты по магии, – вопреки ожиданиям заметил он.

И за что ты на мою голову свалился такой внимательный?

– В нашей библиотеке вечно происходит путаница. Кстати, вас звала декан Ру, – не изменяя улыбке милой дурочки, объявила я. – В читальном зале упал стол с книгами.

– Какая неприятность, – с едва заметным раздражением в голосе отозвался он.

Мне было любопытно, куда Ленар запихнет трактат о плотских утехах. Не мудрствуя лукаво, он спрятал запрещенную книгу в пухлый портфель, стоявший на столе. Не успели щелкнуть застежки, как грянул голос злобной фурии Ру:

– Господин Ленар, куда вы провалились, когда нас едва не засыпало книгами?!

– Иду, госпожа Ру! – всполошился он и бросился к строгой начальнице. Одинокий портфель, вместилище украденного трактата, скособочился на столе.

Пока никто не заглянул в проход, я вскочила на табурет, стянула с полки томики. Без особенного пиетета учебники по магическим основам были запихнуты поверх других книг. Трясущимися руками я извлекла папку с рукописью, а потом кое-как втиснула учебники обратно. Неожиданно портфель шмякнулся со стола с тяжелым грохотом, словно в нем лежали камни. Я испуганно вздрогнула и поспешно соскочила с табурета.

Содержимое вывалилось на пыльный пол. Трактат об удовлетворении похоти, папки с завязанными тесемками, кожаный ежедневник. Выкатились перья, дорогие, с эмблемой известной канцелярской лавки. Вылетела визитница, веером рассыпав личные карточки. Не веря своим глазам, осторожно, словно бумага кусалась, я подняла карточку. Аккуратным почерком каллиграфа было выведено название известной и уважаемой в столице конторы законников: «Рейсон, сыновья и Ко».

Когда умерли родители, именно Рейсону и стае его стервятников кредиторы поручили распотрошить наше с Иветтой наследство. С простоватым судебным заступником, на какого хватило моих денег, против профессионалов высшего класса у нас не было ни единого шанса сохранить хотя бы ломаный шиллинг.

«Старший партнер Кристоф Ленар», – официально представила владельца визитная карточка.

Интересно, что привело хищника в провинциальный институт? Не благородных же девиц учить премудростям брачных договоров, право слово. Было ясно одно – рядом со стряпчим, изображавшим учителя-недотепу, следовало держать ухо востро!

Глава 2. Маленькая слабость отпетой лгуньи

Дорогая София! Я наконец вернулся из Аскорда. Ужасно соскучился по родным местам и по красивой волшебнице, умеющей ладонями подогревать кружки с чаем. Конечно, уже весна и чай в нашей кондитерской перестали подавать ледяным, но если завтра у тебя не найдется других грандиозных дел, то предлагаю уделить внимание истосковавшемуся приятелю, то есть мне.

Тео Ланс.

– Ты улыбаешься, как дурочка, каковой тебя считает ведьма Ру, – промурлыкала Рита.

Я перевела взгляд с шутливого послания на подружку, прятавшую за чашкой с травяным напитком хитрую ухмылку.

– Тео вернулся, – пояснила я, складывая письмо. Очень осторожно, чтобы не помять уголков.

С Тео Лансом, вернее, Теодором ди Лансом, отпрыском разорившегося аристократического рода, я познакомилась на втором курсе во время ежегодного благотворительного бала в институте. Приятель, только-только окончивший Королевскую Академию, сочинял бездарные стихи, мечтал издать книгу и поколесить по белому свету. Последнее он действительно воплотил в жизнь, получив наследство от почившего дядюшки, а вот с книгой стихов не сложилось. На мой взгляд, Тео давно стоило прекратить попытки восхитить мир поэзией, но я бы никогда не осмелилась высказать личное мнение вслух. В отличие от авторов любовных, тем более эротических романов, поэты были ужасно ранимые и обладали исключительно тонкой душевной организацией. Не дай святые угодники обидеть резким словом!

– И ты засияла магическим камнем, – прокомментировала подруга. – Убери странную улыбку, а то в столовой стало светлее.

В столовой действительно экономили на освещении. Под потолком висела огромная люстра, близнец той, что украшала бальный зал, но никому не

приходило в голову зажигать верхние огни. Ректор искренне верил, что попасть ложкой в рот можно и в потемках. Днем просторное помещение заливал естественный свет, а по вечерам вспыхивали стенные светильники, да на каждом из длинных столов в стеклянных шарах теплились магические искры.

– Рита! – распихивая других девчонок, на лавку втиснулась Нестейша Юн, пятикурсница отделения изящной словесности. И «кошмар в жизни любого владельца подпольной библиотеки» (цитата от Риты Пиботи).

Год назад Несс осознала себя автором и начала… кхм… творить. Любовные романы, мистические истории, детективные повести. Натворила уже больше тридцати штук. Каждую новую рукопись она переплетала, оформляла обложкой с гравюрой и впихивала Рите на бесплатное распространение среди благодарных читательниц.

– Девочки, это магическая бомба! – заговорщицким тоном пропыхтела она и плюхнула на стол толстенькую папку с розовыми завязками.

Лицо Риты моментально поскучнело. Чтобы понимать, когда у феи скучнело лицо, то выглядело это так, будто уроженка Волшебного леса собиралась жительнице западной провинции перегрызть глотку. Или хотя бы как-нибудь проклясть. Какое счастье, что Ри была феей только наполовину и колдовать не умела.

– Клянусь! Бевис Броз и Шарли Пьетро нервно отдыхают в сторонке! Святые угодники, без преувеличений – это мое лучшее творение! Я писала его со слезами на глазах! – Сначала она схватилась за сердце, а потом – за стакан с компотом и выхлебала одним махом половину.

– И о чем шедевр? – без энтузиазма уточнила Рита.

– Любовный треугольник! – Несс проворно развязала тесемки на папке, собираясь продемонстрировать рукопись. – МЖМ!

У Риты отвалилась челюсть. У меня, впрочем, тоже. Чуть язык не прикусила, когда закрыла рот.

– Почему у вас такие лица? – свела девчонка бровки. – Вы не знаете, что такое МЖМ? Серьезно? Даже первокурсницы знают. Это мужчина – женщина – мама!

Только я прихлебнула чай, как немедленно подавилась и жестоко раскашлялась.

– Ну… Кхм… – Рита глубоко вздохнула, стараясь сдержать хохот. – Чья именно мама в третьем углу?

– Мужчины, конечно, – нахмурилась Несс и раздраженно ткнула пальцем в сторону чашки: – София, может, запьешь?

– Нет-нет, – замахала я руками, с трудом отдышавшись. – Пожалуй, воздержусь.

– Название «Желтая Шляпка», – продолжила она представление книги. – Мужчина-оборотень, девушка, в любую погоду носящая желтую шляпку, и его мама, которая молодым не дает жизни.

– В общем, страшная женщина, – пробормотала я.

Самым известным романом знаменитой Шарли Пьетро считался роман «Красная Шапочка» о девушке, закрутившей любовь с оборотнем Вульфом. Признаться, я сама стащила образ сексапильного вервольфа для последней истории Бевиса Броза. Волком обращался один из семи рыцарей в «мужиконедельке» и проделывал с Белоснежкой такие штуки, что неловко вспомнить.

Я вообще старалась лишний раз не анализировать содержание собственных книг, чтобы не мучиться от стыда под грозными портретами классиков в учебных аудиториях. Однако эротические романы позволяли обучать Иветту в лучшем пансионе Аскорда, а потому я была готова каждый месяц писать по откровенной истории, лишь бы своевременно вносить плату на счет учебного заведения.

– Тебе не кажется, что это уже было у Шарли Пьетро? – сухо уточнила Ри у Нестейши.

– С чего ты так решила? – обиженно передернула плечами та. – У нее Красная Шапочка, у меня – Желтая Шляпка. У нее вервольф, у меня – пума. У нее

бабушка, у меня – матушка. Но главное! У нее лесоруб убивает оборотня, а у меня охотник пристреливает мамашу! Понимаете? Романы совершенно не похожи. Кстати, для своей героини я даже имя придумала: София!

Я снова подавилась чаем. Зачем вообще взяла в руки чашку с этим опасным напитком?

– Почему вы молчите? – окончательно расстроилась Несс.

Некоторое время мы разглядывали покрасневшую от возмущения писательницу.

– Мне надо закончить задание по философии, – соврала я, поднимаясь из-за стола.

– У меня тоже дел по горло… – пробубнила фея.

– То есть ты не возьмешь книгу в библиотеку? – обиделась графоманка.

– Тебе следует подумать над названием, – выкрутилась Ри. – Название получилось какое-то блеклое. Вот подумай, а потом заново приноси.

– Хотя бы пролог прочти! – Несс жалобно протянула папку жестокой библиотекарше. – Уверена, что ты влюбишься в книгу уже после первой страницы!

– Название… – покачала головой та. – Я не готова влюбляться в Желтую Шляпку. Ненавижу желтый цвет.

Мы сбежали из столовой с такой резвостью, какой позавидовали бы даже атлеты. Фея подхватила меня под руку.

– Святые угодники, пусть кто-нибудь отберет у нее перо и чернильницу.

– Она будет писать грифельным карандашом, – предположила я.

– Тогда бумагу.

– Есть столы, стены, учебники…

– Хватит! Я поняла, что талант не сдержать.

На следующий день погода испортилась. Долину накрыла шапка низких серых облаков, с утра зарядил мелкий дождь и задул сильный ветер. Большинство девчонок предпочли пересидеть непогоду в замке. Я сама осталась бы подольше в кровати, но отменять встречу с Тео не хотелось. Рита ехать в соседний город отказалась наотрез. Чуть приподняв от подушки взлохмаченную разноцветную голову, она промычала:

– У меня сегодня собрание литературного клуба.

Спасаясь от тусклого утреннего света, она натянула на голову одеяло и сладко засопела. Я заторопилась к замковым воротам, боясь пропустить ближайший дилижанс.

Маленький опрятный городок Осно находился в получасе езды от замка. Дорога к нему тянулась между темных полей, местами сохранивших хрусткие снежные корочки. Студенток высаживали на главной площади, поближе к торговой улочке, а забирали ровно в шесть вечера, о чем не забывала напоминать одна из наставниц, сопровождавшая воспитанниц. В этот раз в город нас провожали учительница географии и чертежник Эдон Рауф. Всю дорогу он сидел рядом со мной, подпрыгивал на кочках и натужно сопел простуженным носом.

До встречи с Тео оставалось еще немного времени, и первым делом я заглянула на почту. В ящике, арендованном на мое имя, лежало письмо от издателей Бевиса Броза. Они требовали в кратчайший срок сдать новую рукопись, ведь аванс был выплачен еще в прошлом месяце. Следующее письмо пришло от поверенного, который напоминал, что до конца весны следовало внести плату за пансион Иветты, иначе сестру попросят из учебного заведения.

– Плохие новости? – услышала я и резко оглянулась.

Рядом стоял Кристоф. Первое, что бросилось в глаза, – он был не в образе. Дорогое полупальто отлично сидело и подчеркивало широкие плечи, из-под воротника выглядывала идеально чистая рубашка, никаких очков.

– Почему вы так решили? – сухо уточнила я.

– Вы грызли ноготь, – кивнул он.

Едва речь зашла о деньгах, я действительно принялась точить зубами ноготь, как канцелярская мышь. Ленар вернулся к полке, на которой оставил письменный набор, а я спрятала письма в ридикюль.

– София, – остановил он меня, когда я направилась к дверям, – могу я пригласить вас выпить кофе? Здесь есть отличная…

– Не можете, – с прохладцей перебила я.

Уголок красивого рта изогнулся в едва заметной усмешке, и появилась крошечная складочка.

– За пределами института можно не поддерживать образ? – тихо спросил он. – Не так ли, София?

Сердце сделало смертельный кульбит и заколотилось словно бешеное. Подсознательно рядом со лжецом я сбросила личину милой дурочки. Проклятье!

– Не понимаю, о чем вы говорите, – растянула я губы в милейшей улыбке. – В институте не приветствуют неформальное общение преподавателей и студенток, господин Ленар.

– Конечно. – Он кивнул, давая понять, что не оскорбился, хотя его, мягко говоря, послали дальше писать письмо (или что там с утра пораньше строчат законники). Может, объясняют помощникам, как обобрать очередную сироту?

Я подошла к тяжелым дверям, которые удавалось открывать, лишь навалившись всем телом, а потом все-таки не удержалась.

– Господин Ленар?

Он повернулся и вопросительно изогнул бровь, превращаясь в идеальный образчик столичного ловеласа.

– Как у вас со зрением? – спросила я.

– Отвратительно, – послал он рассеянную улыбку. – Совершенно ничего не вижу без очков. Видимо, в юном возрасте стоило меньше читать романов… Я большой любитель, знаете ли.

– Вам следует быть осмотрительнее, – отозвалась я.

В одно мгновение лицо Кристофа стало абсолютно непроницаемым, словно одна маска сменила другую. Фальшивые эмоции стерлись начисто, а настоящие были глубоко спрятаны.

– Простите? – с незнакомой мягкой интонацией, выдававшей в нем профессионального законника, тихо переспросил Ленар с этим своим окаменелым лицом.

– Вы забыли надеть очки.

Я вышла в пронзительный холод. Мелкий дождь переродился в настоящий весенний ливень. Один из тех, что яростными струями изгоняли с земли остатки снега, пробуждали природу, а она отзывалась первыми листьями и несмелыми травинками. В общем, природе было неплохо, а я мысленно выругалась залихватским оборотом из репертуара приснопамятного привратника поместья Вермонт. Зонт потерялся прошлой осенью, а новый я купить не сподобилась.

Неожиданно над головой потемнело. С недоумением я покосилась наверх и обнаружила натянутый купол черного зонта в руках Ленара. Он уже нацепил очки и страшно ссутулился, отчего казался меньше ростом, а идеально сидящее пальто скособочилось, точно на кривом портновском манекене.

– Куда направляетесь?

Очень хотелось емкой фразой объяснить, куда направиться преподавателю, совершенно не имевшему понятия о приличиях, но я сдержалась.

– Мне надо в книжную лавку.

– Конечно, куда же еще в свободный день заглянет выпускница отделения изящной словесности?

Во время дождя я всегда туго соображала. Он сейчас сделал комплимент моему ученическому усердию или тонко поиздевался?

– Что ж, прошу. – Ленар указал на лестницу.

Идти под одним зонтом оказалось ужас как неудобно. Мы старались держаться на уважительном расстоянии, то есть не тереться плечами, и оба наполовину вымокли.

– Давайте обойдем, – предложил он, когда дорогу нам перекрыла огромная лужа.

Мы двинулись в разные стороны.

– Не уходите из-под зонтика, намочите волосы! – всполошился Ленар.

Я немедленно вернулась под зонтик. Во второй попытке мы столкнулись и замерли.

– Двигаемся направо, – предложила я.

– Посмотрите, как льет из водостока, – воспротивился он. – Вы измокнете.

Проклятье! Я уже измокла так, что мокрее было только в лужу грохнуться.

– Тогда налево, – процедила я.

В этот момент по мостовой прогрохотал кеб, и из-под колес на пальто Ленара брызнул фонтан жидкой грязи. Реакция мужчины оказалась молниеносной. Он прикрылся куполом зонтика, как щитом. Жижа оставила на черном полотне художественные разводы.

– Не попал! – просиял Ленар. Определенно, холодным законником он мне нравился куда как больше, чем недотепой! Сомневаюсь, что настоящий господин Кристоф нес с собой столько разрушений!

– Какая удача, – процедила я, прокляв ту секунду, когда согласилась забраться под зонт. Лучше бы добежала до книжной лавки без изысков, прикрыв голову ридикюлем. Не сахарная – не растаяла бы. Да и на здоровье я не жаловалась, даже с выродившимся магическим даром люди никогда не цепляли простуд.

– Идемте. – Над нашими головами снова возник испачканный купол. С края спицы капала рыжевато-мутная водица, и на подоле серого ученического платья, выглядывавшего из-под пальто, оседали неряшливые подтеки.

Наконец мы добрались до маленькой книжной лавки, встречавшей покупателей тонким перезвоном колокольчика. Седовласый хозяин литературного королевства широко улыбнулся:

– София, душа моя! Давненько ты не заглядывала.

– У меня к вам заказ, – подошла я к прилавку и воровато оглянулась на Ленара. Сунув в деревянный ящичек мокрый зонт, он состроил вид, будто с любопытством изучал толстую книжечку с желтоватыми страничками. Если он хотел изобразить завзятого книгомана, то стоило выбрать какой-нибудь философский роман о смысле жизни, а не домоводство.

Я достала из ридикюля самописное чернильное перо и быстро вывела на бумажке название трактата о плотских утехах. С заговорщицким видом подвинула записку к дядюшке.

– Ой, душа моя, подожди. Ты чего-то тут накарябала, дай очки надеть.

Только усилием воли я не закатила глаза. Попади с таким болтуном в плен, тут же выдаст врагам все секреты!

Хозяин книжной лавки нацепил на нос очки и внимательно присмотрелся:

– Трактат о…

Я выдрала листик из рук дядюшки и очень выразительно покашляла, мол, читаем про себя. Он изогнул кустистые седые брови, вроде не понял, чего от него хотела благородная девица, сделавшая неприличный заказец. Пришлось скосить глаза в сторону, намекая на присутствие Ленара, и с улыбкой дурочки пролепетать:

– Господин преподаватель ждет, когда я освобожусь. Он обещал меня под зонтиком до кондитерской довести.

Дядюшка глянул на мужчину возле полки с книгами.

– Ах, – дошло до старика, что не стоило произносить название рядом с преподавательскими ушами.

Давая понять, что нем как рыба, он хитро подмигнул. Да так, что морщинистое лицо скривилось, будто в судороге. Я тяжело вздохнула. Нет, определенно, с хозяином книжной лавки в разведку ни за что не пойду!

Ленар по-прежнему с интересом, достойным лучшего применения, изучал книгу по домоводству. Я бы поверила, будто переезд из столицы в глухомань разбудил в нем инстинкт гнездования, да только уголок красивого рта снова изогнулся в ироничной ухмылке. Точно слышал разговор и мысленно издевался! Он просто не догадывался, как некоторые благородные девицы ненавидели выглядеть смешными и становились ужасно мстительными.

Дядюшка наконец узрел, какую именно книгу ищет студентка, и вытянул губы трубочкой. В немом диалоге он продемонстрировал мне бумажку с надписью «трактат о постельных утехах».

«Точно это? Не ошиблась?»

«Точнее некуда», – кивнула я.

– Откуда ж вам, бедняжкам, еще опыта-то набраться? – вздохнул он и объяснил: – Я, конечно, закажу книжечку-то, да только она очень редкая. Пока найду, пока из Аскорда придет, лето уже наступит. Да и стоить будет не меньше двадцати шиллингов.

– Серьезно?! – поменялась я в лице, не зная, чему удивилась больше: времени доставки или стоимости книги.

Обычно заказы дольше одной недели не занимали и дороже трех шиллингов не стоили. Денег таких сейчас не имелось, да и лето меня никак не устраивало. Закончить роман «надо было еще вчера», а справочную литературу изъял противный Ленар.

– Записываю заказ? – уточнил дядюшка.

– Не надо, – вздохнула я, понимая, что впустую потрачу шиллинги.

– Да ты не переживай, девонька. Дурное-то дело нехитрое… – Он снова покосился на Кристофа за моей спиной. – Поверь старику, я три раза был женат и все на юных девицах. В этом вопросе книжки не помогут, заранее не начитаешься. Только практический опыт!

Болтун примолк, видимо, заметив, как у меня вытянулось лицо. Что ж, иногда молчание, желательно гробовое, на вес золота! Если я когда-нибудь надумаю написать продолжение «мужиконедельки», то не дайте святые угодники вдохновиться подобным практическим опытом.

– Может, тебе новенький сборник стишков дать? Ты же любишь поэтов? – немедленно нашелся он.

– Поэзию, – сдержанно поправила я.

– И это тоже.

– А Бевиса Броза нет? – прошептала, чтобы Ленар не услышал.

Дядюшка отрицательно покачал головой:

– Приходи на следующей неделе, отложу.

– Буду благодарна, – едва заметно улыбнулась я и в глубокой задумчивости смяла бумажку с названием восточного трактата. Придется воспользоваться

рукописями Риты и переработать пару сцен из уже опубликованных романов Бевиса Броза. В конце концов, ничего нового в процессе плотских утех еще не придумали. Можно, к примеру, поменять постель на стол или стол на стул. И вообще, сколько предметов мебели в спальнях у дам! Да даже окно!

Моментально перед мысленным взором возникла картинка, как главные герои, облюбовав широкий каменный подоконник, занимались тем, чем занимались, а снаружи к стеклу прижимала ладони мамаша мужчины. Она видела голые телеса во всей первозданной красе и падала замертво. Тьфу! Некромантский МЖМ! Надо сделать пометку, что окна на первых этажах для нетривиальных занятий неприкосновенны.

– Куда вас проводить, София? – вернул меня в реальность голос Ленара.

С изумлением я обнаружила, что мы, едва ли не тычась носами, ютились под зонтом на мостовой. За пределами матерчатого купола хлестал ливень. Тугие, яростные струи выбивали в огромных лужах пузыри. Холодный ветер швырял пригоршни влажной пудры, оседавшей на одежде, лице и волосах. На стеклышках очков у Ленара дрожали капли. Заставь его сбросить личину простачка, и выйдет идеальный образчик любовника для эротической истории Бевиса Броза. Надо бы описать его в следующем романе.

– Я сама добегу, – отказалась я от дальнейших услуг проводника и, выскочив из-под зонтика, наперерез ливню бросилась к кондитерской.

В маленьком заведении подавали нечеловечески вкусные пирожные и ромашковый чай. Говорили, что для бодрости лучше пить кофе, но я терпеть не могла горький вкус и не понимала, отчего люди закатывали глаза в блаженных судорогах, когда нюхали запашок заваренного напитка дегтярного цвета. Я вбежала в светлый зал, где по случаю дурной погоды и царивших на улице дневных сумерек горели светильники с магическими камнями. Тео, светловолосый синеглазый парень, сидел у окна. Он оглянулся на перезвон колокольчика, висевшего над входной дверью, и расцвел открытой улыбкой, вызвавшей на щеках милые ямочки.

Готова официально заявить, что Теодор ди Ланс являлся самым очаровательным из знакомых мне мужчин! Он был трепетным и нежным, так что совершенно не вписывался в эротические романы. Внесу ясность, для автора бульварной

литературы это обстоятельство считалось неоспоримым достоинством.

– Мы здесь, София! – приподнявшись из-за столика, помахал он мне рукой.

Стоп-стоп! Что значит «мы»? Ты, шляпа и кружка с чаем?

Тут же, словно услышав зов, из дамской комнаты выплыла Диара. На фоне хорошенькой сокурсницы я в испачканном платье и с мокрой шевелюрой явно проигрывала. Оставляя на дощатом полу следы, я прошлепала к столику.

– София, какая приятная неожиданность, – улыбнулась Ди одними губами.

Пожалуй, в следующем романе стоило придумать проходную героиню, избалованную дочь хозяина мануфактур, и прикончить. Нет! Сначала отдать на увеселение диким кочевникам, а потом прикончить. Все-таки писатели – страшные люди! Сидит кто-нибудь за столиком, холеной физиономией портит соседке по комнате свидание и не догадывается, что уже поруган в разных позах мерзкими негодяями.

– Я решил пораньше прийти, а тут вдруг Диара в кондитерской оказалась, – не сводил с меня блестящего взгляда Тео. – Чудесно выглядишь.

– Спасибо, – улыбнулась я, как зачарованная разглядывая его моложавое лицо.

Никогда в жизни не скажешь, что Тео уже двадцать пять, разве что врать он умел как взрослый мужчина. Мы все понимали, что всклокоченное, мокрое создание в запачканном платье чудесно будет выглядеть только в темной комнате.

– Перед отъездом из Аскорда я виделся с Иветтой, – спохватился Тео. – Твоя сестрица в добром здравии и по-прежнему ненавидит пансион.

– Она мне писала, – призналась я.

– Тео, а как там, в столице? – вклинилась Ди.

– Шумно.

– Какие дамы носят моды?

– Разноцветные, – коротко отозвался он и спросил: – Как твоя учеба, София?

– Терпимо.

– Наверное, мне стоит уйти. – Диара наконец догадалась, кто в нашем треугольнике лишний.

Она попрощалась, и я вздохнула с облегчением. Но едва Ди добралась до выхода, как дверь отворилась и бочком из дождливой улицы в залу перетек Кристоф, облаченный в образ непутевого преподавателя.

– На кого ты смотришь? – удивился Тео и оглянулся через плечо.

– Новый лектор из института, – кивнула я в сторону Ленара.

Он как раз пытался разойтись с Ди. Эти двое тыркались в разные стороны и все время сталкивались. Они застыли, посмотрели друг на друга, точно договариваясь, и снова принялись слаженно топтаться. Вправо-влево, как неповоротливые утки. Кажется, вся кондитерская, в том числе хозяйка, замерла, с интересом наблюдая за танцем. Наконец парочка благополучно разминулась под одобрительные вздохи посетителей.

– Какой странный тип, – отозвался Тео.

– Скажи? – фыркнула я, внимательно наблюдая за Ленаром.

В тот момент, когда он уселся за столик, наши взгляды встретились. Темная бровь едва заметно изогнулась. Мол, изучаете, госпожа Вермонт? Я немедленно отвернулась. Кому ты нужен, будущая жертва эротического романа? Через некоторое время я бросила случайный взгляд (клянусь, случайный) в его сторону, а столик уже пустовал.

Время за разговорами с Тео прошло незаметно. Скоро с почтовой площади обратно в институт уходил дилижанс. Замок находился на холме, и если я не

хотела топать под дождем по колено в грязи, то стоило свернуть чайные посиделки. Заметив, как я с сомнением проверила время на часиках, висевших на шее, приятель спросил:

– Уже пора?

– Да, – поморщилась я, отчаянно не желая покидать теплую, вкусно пахнущую сахарной глазурью кондитерскую.

– Тогда держи вот это. – Тео положил на стол папку, завязанную на тесемки. – Новенькое для преданной поклонницы. Ты первая, кто прочтет.

«И последняя».

– С удовольствием почитаю, – приняла я стихи и мысленно содрогнулась. Тео не прочтения просил, а восхваления.

– Пока путешествовал по королевству, столько мыслей в голове роилось… – сверкнул он очаровательными ямочками.

При всем моем уважении к приятелю, умения рифмовать слова «кровь» и «любовь» поэзией не являлось. С другой стороны, не судите, да не судимы будете. Эротические романы с семью рыцарями и одной залюбленной до мозолей девой литературой тоже назвать очень сложно.

Дождь уже успокоился. Серый воздух был холоден и свеж. Ветер разносил по огромным лужам рябь и забирался под пальто. Пальцы на руках стыли, в ногах путались длинные юбки. Тео взялся меня провожать к дилижансу. Когда мы добрались до почтовой площади, она пустовала. В душе шевельнулось нехорошее подозрение, что экипаж отбыл в институт, а денег на кеб у меня решительно не имелось.

– Сейчас, скорее всего, подъедет, – нервно улыбнулась я.

Надежда таяла. Хмурый день стремительно перерождался в грязные предвечерние сумерки. Снова закапало.

– Ты, наверное, уже иди, – попыталась отослать я Теодора, страшно стесняясь сказать, что не в состоянии наскрести на извозчика, а потому потопаю собственными ноженьками до самых институтских ворот. Глядишь, страшно повезет, успею до комендантского часа, и тогда не придется лезть через тайный лаз.

– Я поймаю кеб – дождь опять начинается, – немедленно предложил услужливый приятель.

– Нет! – выпалила я, и тот в ответ ошарашенно моргнул. – Я сама.

Тут раздались звонкий стук лошадиных копыт и грохот кареты. По выщербленной мостовой прокатился черный экипаж и остановился рядом с нашим «институтским» столбом, помеченным табличкой с королевским гербом. Из окошка выглянул Кристоф Ленар.

– Госпожа Вермонт, дилижанс уехал уже полчаса назад. Вас подвезти?

– Благодарю.

Никогда я не забиралась в карету с такой резвостью! Извозчик немедленно тронулся с места, и я выглянула в окошко.

– До встречи на следующей неделе!

– Всего наилучшего, София! – помахал Тео рукой.

Я откинулась на жестком сиденье и вытянула ноги. Носы промокших башмаков уткнулись в туфли Ленара.

– Извините, – буркнула я, вынужденная поджать ноги. Впрочем, кто оплачивает дорогу, тот и едет с привилегией вытянутых ног.

Любоваться на мокрые печальные окрестности института, еще не до конца очнувшиеся от зимнего сна, не хотелось, а таращиться на преподавателя было конфузно. Прижав к груди папку, я прикрыла глаза и сделала вид, будто сомлела, хотя ледяной холод салона вовсе не располагал к расслабленной

дреме.

– Он ваш жених? – вдруг раздалось в тишине.

Я приоткрыла один глаз, но тут же закрыла обратно, обнаружив, что Ленар без стеснения меня разглядывал. И все-таки не выдержала:

– Почему интересуетесь?

– Любопытство.

– Я помогаю ему с редактурой, – туманно отозвалась я, по-прежнему изображая из себя благородную девицу во сне.

– Он пишет?

– Стихи.

– Это мило.

Услышав в голосе собеседника неприкрытую иронию, я резко открыла глаза и одарила насмешника осуждающим взглядом. На его губах застыла уже знакомая усмешка, изгибавшая уголок красивого рта.

– Мило? – вкрадчиво уточнила я, вдруг ужасно оскорбившись за Тео. – Почему в вашем тоне прозвучала снисходительность?

– Девушкам нравятся поэзия и любовные романы, – пояснил он.

Вот тут я по-настоящему напряглась.

– Я ничего не говорила о любовных романах.

Мы смотрели глаза в глаза.

– Значит, послышалось, – соврал Ленар. – Он хороший поэт?

– Лучший из всех мне известных, – буркнула я.

– Позволите? – протянул он руку, прося папку.

– Не думаю, что учитель по семейному праву способен по достоинству оценить значимость стихов Теодора ди Ланса, – выкрутилась я, не желая показывать, что приятель был чудовищно бездарен. – Знаете, какое прозвище у судебных заступников? Столетние баранки!

Неожиданно карету чудовищным образом швырнуло вбок. Дверца резко распахнулась, и экипаж попытался вытряхнуть пассажиров в дыру, как надоедливых мошек. Папка выскользнула из рук. Слава святым угодникам, она была хорошенько завязана на узел, и салон не засыпало «гениальными» творениями!

Не успела я взвизгнуть, как вдруг оказалась крепко-накрепко прижатой к твердому телу. Ленар так приплюснул мою голову к груди, что дышать было сложно. Накрененный экипаж встал. Возница с огоньком покрывал окрестности и дурные дороги залихватскими ругательствами. Пожалуй, если бы он с привратником поместья Вермонт участвовал в конкурсе на самую красноречивую брань, то взял бы кубок.

– Вы в порядке? – тихо спросил Кристоф.

– Угу.

Он разжал руки. Карета скособочилась. Я попыталась отодвинуться, но стекла обратно под преподавательский бок, словно по ледяной горке. Сам Ленар вжимался плечом в стенку. Очки куда-то исчезли. Кряхтя, я нагнулась за папкой, втиснулась щекой в мужские колени, и он оцепенел.

– Что… что вы делаете, София?

– Не шевелитесь, – пропыхтела я, дотягиваясь до вместилища стихов. – Обещаю, что кусать не стану.

– Мм… – ошеломленно поднял он руки.

– Святые угодники, да поддержите меня, страшный человек! – фыркнула я, дотянувшись до папки, но Кристоф точно превратился в каменное изваяние. Даже дышать боялся. Нежный какой!

В этой двусмысленной позе нас застал недовольный возница. Похоже, мужик видел пассажиров в разных ракурсах и состояниях, поэтому даже не моргнул. Пока он проверял поломку, я снова попыталась отодвинуться от Ленара, но тщетно. Мы походили на сросшихся боками близнецов.

– Ось сломалась, – недовольно объявил извозчик, заглянув в салон. – Дальше везти не смогу.

– Вообще не сможете? – расстроилась я, пытаясь определить по пейзажу, как далеко мы доехали. Судя по жухлым кустикам, что росли возле ухабистой дороги, мы застряли почти в середине пути.

– Только если на закорках, – усмехнулся он и посоветовал Ленару: – Господин, вам стоит вернуться в город. Время позднее, скоро стемнеет.

– Так и поступим, – согласился тот, ловко спрыгивая с подножки. Начищенные черные туфли окунулись в глинистую жижу. Он протянул руки и позвал меня: – София?

Я послушно позволила выволочь себя из салона. Подхватив юбки, встала в грязь, а потом устало кивнула:

– Вы потеряли очки.

– Проклятье! – пробормотал Ленар, забираясь обратно в экипаж. Поиски заняли некоторое время. К счастью, окуляры пережили падение достойно, даже стекла не потрескались.

Злой, как три тысячи бесов, возница принялся распрягать лошадь. Кристоф указал на город, светившийся вдалеке яркими огоньками:

– Идемте?

Я покосилась в противоположную сторону. Грязная лента дороги убегала на холм, терялась за обнаженными деревьями. Добираться пешком было не меньше получаса, но я еще успевала до того времени, когда сторож вешал на ворота амбарный замок. Если прийти в общежитие после переклички, то целый месяц придется провести в замке. Как тогда отправить издателю готовую рукопись?

– Я лучше в институт, – отказалась я.

– Смеркается, – заметил Ленар.

– Вы наделены потрясающей наблюдательностью, – огрызнулась я и, подобрав юбку, с излишней энергией направилась в сторону института.

– Поделитесь, все благородные девицы страдают упрямством или только вы? – послышалось вдогонку.

– Надеюсь, это риторический вопрос? – высокомерно фыркнула я.

Он догнал меня в три шага. Некоторое время шел молча, помогая себе зонтиком, как тростью. Под ногами хлюпала грязь. С голых ветвей ветер ссыпал на голову крупные ледяные капли.

– Давно вы знакомы со своим кавалером? – прервал молчание Ленар.

– Вы пытаетесь развлечь даму светской беседой или лезете в мою личную жизнь?

– У институток не бывает личной жизни. Благородным девицам надо учиться и зарабатывать оценки.

– Да неужели? – проскрипела я сквозь зубы.

– Вам нравится маска уступчивой дурочки, София?

Я резко остановилась и, прижав к животу папку со стихами, посмотрела в его лицо. Мужчина выглядел серьезным, никакой иронии, скорее любопытство.

– Не тесна? – изогнул он бровь.

– А вам, господин Ленар? – не осталась в долгу.

– Я не могу быть уступчивой дурочкой, – хмыкнул тот.

– Попробуйте, возможно, вам тоже очень понравится. Для ясности, не подумайте, будто я придираюсь, но вы перестали сутулиться.

Не сказав больше ни слова, я рванула в горку, стараясь оторваться от попутчика. В нашей странной гонке по пересеченной местности имелся только один плюс – я согрелась. Зато дыхание стало заполошным, в боку неожиданно закололо, а влажный ботинок, словно назло, начал натирать пятку даже через плотный шерстяной чулок.

Ритмично шагая, я с наслаждением прокручивала в голове страшные сцены, где Кристофа Ленара, распаренного после постельных утех с разбитной принцессой, сжирал злобный дракон. Обнаженный преподаватель-законник (кубики на прессе еще не заслужил) выходил на балкон, сладко потягивался до хруста во всех натруженных за ночь мускулах, а его сверху – чавк! Ням-ням! И швырк косточки в сад к благоверной!

Эротический роман ужасов. Герой будет каждый день оживать, а я его снова убивать. Осталось название придумать.

– София! – окликнул будущий драконий корм.

– Да? – резко оглянулась я.

– Святые угодники, вы так на меня посмотрели, как будто решили скормить дракону.

Какая, однако, проницательная закуска!

– Сказать откровенно, господин преподаватель, я на вас вообще не смотрю.

– О нет! Смотрите. Не как на мужчину, безусловно, а как на… тело.

– Тело? – Я снова остановилась.

– Кусок мяса! – нашелся он. – Совершенно точно! Как на кусок свежего мяса, который нужно правильно приготовить.

Сдержать смешок удалось с трудом. Прозорливость законника без преувеличений вызывала уважение. Я бы обязательно восхитилась, но подобная черта могла лично мне дорого стоить.

– Вы что же, сейчас сравнили меня с мясником?

– С поваром.

– Если это был комплимент, то вы провалились, – отрезала я. – Для ясности, господин Ленар, преподаватели не имеют права делать комплименты студенткам, если они не касаются учебы.

– Кто сказал?

– Канон о поведении и занятиях благородных девиц, – с чопорным видом я зашагала дальше.

Темнота сгущалась и в скорейшем времени обещала вызреть в непроходимый мрак. Наконец вдалеке появились каменные стены, опоясывающие замок, и кованые ворота. Со стороны двора к ним направлялся привратник, хромой дядька Дрю с фонарем в руках. За шесть лет учебы я ни разу не встретила сторожа трезвым. Завидев людей, приближавшихся к воротам, он резво зачастил к створкам. Не сговариваясь, мы с Ленаром прибавили хода.

– Дядюшка Дрю! – в панике выкрикнула я. – Пожалуйста, не закрывайте!

С издевательской ухмылкой подлец навесил замок и с чувством повернул ключ, посмеиваясь в спутанную бороду над нашими ошеломленными физиономиями. Задыхаясь, я вцепилась в решетку и потрясла тяжелую створку.

– Дядюшка Дрю, ну откройте! – заканючила в спину сторожу, уносившему тусклую лампу. – Опоздала же всего на минуточку!

– Ага! Вон с мужиком приперлась! – резко развернувшись, прицельно ткнул он пальцем в сторону Кристофа.

– Господин Дрю, я преподаватель законоведческой кафедры Кристоф Ленар. Будьте добры, откройте ворота.

– Ну конечно… – Привратник поднял фонарь повыше и со старанием пропустившего пару стаканов пропойцы сощурился на моего спутника. – Что, я того чудика в очках не помню? Сутуленький, страшненький…

– Проклятье, – пробормотал Ленар и под ворчание дядьки Дрю похлопал себя по карманам в поисках очков. Окуляры сели на нос, тут же съехали, а сам преподаватель съежился, как древний сморчок, моментально превращаясь в зашибленное создание мужского пола.

– А так? – развел он руками.

– А так вы, залетные пташки, уже на десять минут опоздали, – злорадно хохотнул сторож.

Я решила действовать наверняка. Вцепилась в папку, набрала в грудь побольше воздуха и собралась возрыдать, как безутешная вдова. Рита уверяла, что в прошлый раз показательное выступление вызвало в брюзге сострадание… Все испортил Ленар. Похоже, счастливец никогда не подвергался магическому воздействию женской истерики и не ведал о смертоносной силе столь незаменимого в сложных жизненных ситуациях средства. Или же просто был к нему нечувствительным. В отличие от дядьки Дрю!

Кристоф вклинился в ту секунду, когда я почти выдавила робкую слезу, но не успела затянуть первую жалобную ноту. Жестом фокусника он выхватил из кармана кожаную маленькую флягу с серебряной пробкой и протянул через прутья сторожу.

– Господин Дрю, окажите мне услугу.

Дядька хищно облизнулся при виде взятки. Дорогая фляжка переместилась в жадные дрожащие руки. Пробка чуть не плюхнулась в грязь, когда ее поспешно сдирали. Сторож принюхался к содержимому и расплылся в улыбке, обнажившей черные от жевательного табака зубы:

– Так и быть, господин Ленар. Только из хорошего к вам расположения.

– Благодарю, – чопорно отозвался он.

– Обещаю, что никому не скажу, что вы двое крутите любовь.

С этими словами он развернулся и поковылял к сторожке.

– Что? Какая еще любовь?! – выкрикнула я. – Вы с ума сошли?! Да я этого странного человека практически первый раз в жизни вижу! Пустите меня домой!

Дядька махнул рукой, мол, любитесь и размножайтесь сколько вам влезет. Мы остались в темноте.

– Он только что унес мою флягу, а мы по-прежнему за воротами? – ошарашенно уточнил Ленар и исключительно по-мужски накинулся с обвинениями на единственную в поле зрения благородную девицу, то есть на меня: – Потому говорят, послушай женщину и сделай наоборот! Если бы мы приехали на кебе, то сейчас смогли бы вернуться в город.

– Вы тоже молодец! Кто вас просил встревать? – вызверилась я. – Я как раз собиралась взять ворота штурмом.

– Простите, и как вы планировали штурмовать? Через ограду? – Он ткнул пальцем в забор высотой в три ярда, увенчанный острыми пиками.

– Расплакаться! – огрызнулась я. – Вы никогда не видели женских слез? Поверьте, зрелище не для слабонервных. Я собиралась разрыдаться, как милая дурочка.

– Никогда не поверю, что девица вроде вас умеет рыдать, – с раздражением заявил он.

– Ну, попробовать-то никто не запрещал! Идемте, ужасный человек! – Едва не лопаясь от злости, я пошагала вдоль стены. В мыслях ревущий дракон не просто жрал ненасытного до секса героя Кристофа, а со смаком отрывал руки, потом ноги, а дальше уж голову. Ням-ням! Хрум-хрум!

– София, вы куда? – протянул Ленар.

– Подкоп под стену рыть, раз взять штурмом вы не позволили! – оглянулась я через плечо, и нога немедленно провалилась в ямку с ледяной жижей. – Да разбери этот дождь проклятьем несварения!

Кристоф с удивительным проворством подхватил меня под локоть, не позволяя упасть. Однако юбка все равно оказалась вконец испачкана, а папка со стихами Тео с глухим шлепком свалилась в грязь.

– Я этого не вынесу, – застонала я и, скривившись от омерзения, двумя пальцами подняла папку. Бумажная поверхность распухла от влаги.

– В канаву? – предложил Ленар.

– Обидится, – с раздражением бросила я и замерла, вдруг осознав, насколько забылась рядом с Кристофом. С каких пор я начала воспринимать его как сообщника, а не как врага? Недопустимо! Что случится, если он узнает о страшном секрете? Спасибо святым угодникам, темнота прятала лица и стирала эмоции, он не различил оторопи.

– Здесь есть лаз, – вымолвила я. – Мне надо успеть до переклички, чтобы не попасть под арест.

Через несколько ярдов мы остановились возле пожухлых зарослей дикого вьюнка. Летом зеленое одеяло закутывало стену от самой земли до острых пик, скрывая под собой маленькую деревянную дверцу. Кусты пытались несколько раз срубить, ведь они покрывали единственный участок кладки и портили идеальную картину. Но разве справятся садовые инструменты с магически выращенным растением? В итоге садовник махнул рукой, как и предполагала Рита, когда четыре года назад высеивала вьюнок, привезенный из Волшебного леса от бабки Пиботи, чистокровной феи.

Кое-как я продралась через колючие сухие кусты, цеплявшиеся за одежду, и дернула деревянную дверцу за ручку.

– Добро пожаловать в Институт благородных девиц, господин Ленар!

По другую сторону проход перегораживала баррикада из сломанных столов, стульев и прочего хлама, совсем недавно вынесенного из чердачного помещения. Некоторое время мы в молчании таращились на преграду.

– Ваше заведение, я смотрю, потрясает гостеприимством, – сухо прокомментировал Ленар. – Есть другой план?

– Подбросите наверх? – с надеждой спросила я.

– Думаете, что сможете сами разобрать завал?

– Нет, конечно, – покачала я головой. – Просто переберусь через стену и успею на перекличку.

– А мне вы предлагаете вернуться в город?

Через темноту мы посмотрели друг на друга.

– Мм… Ну, в шесть утра ворота откроют обратно…

– София, вы жестоки, – справедливо возмутился он. – Значит, пока вы будете спокойно стоять на перекличке, я буду наслаждаться ночью под дождем?

– Это Институт благородных девиц, здесь каждый выживает как может, – выдала я любимую фразу Риты. – И потом, у вас есть зонт.

Пока мы препирались, действительно закапал дождь, быстро погасивший обоюдное нежелание уступать. В итоге было решено перелезть через стену, словно макаки, и унести тайну о совместном позоре в могилу. Что характерно, Ленар с легкостью взмахнул на верхотуру и, схватившись за пики, протянул мне ладонь:

– Цепляйтесь.

Цепляться с ридикюлем и папкой в руках было решительно нечем. Так что для начала пришлось передать багаж, а потом уже передаваться самой. В отличие от взрослого высокого мужчины, ловкостью я не отличалась. Скользя ботинками по стене, к собственному стыду, пыхтя, как паровоз, я все-таки доползла до верха. По щеке прошелся колючий побег, оставляя приличную царапину. Я зашипела, как кошка, навалилась на забор животом. Ленар мягко спрыгнул вниз, словно не было никакой высоты в три ярда, и снова протянул руки:

– Давайте, София! Не бойтесь, я вас ловлю!

На мой взгляд, бояться как раз было чего. Например, сломанной шеи. Однако, сжав зубы, чтобы не взвизгнуть, я присела на корточки и сиганула вниз. В полете с одной ноги соскочил ботинок, а платье зацепилось за пику. Раздался треск ткани, и на заборе живописным знаменем повис оторванный подол. Не устояв, Ленар кувыркнулся на спину, а я шмякнулась сверху, словно небрежно брошенный ломоть сыра на твердый хлеб. «Горбушка» подо мной подозрительно затихла.

– Господин преподаватель, вы в сознании? – приподняла я голову от крепкой груди.

– Дай мне умереть тихо, женщина, – прохрипел он.

– Канон о поведении благородных девиц запрещает обращаться ко мне на ты без оснований.

– Думаю, у меня есть все основания.

– Какие же?

– Ты лежишь на мне с голым задом.

– Святые угодники! – Я немедленно откатилась и почувствовала, как холод злобно цапнул филейную часть через прореху в пальто. – Что б этот забор разобрало!

Грациозно, конечно, встать не получилось, поднималась, как старуха. Пока Ленар отскребал себя от холодной земли, я искала ботинок, но в темноте было не видно ни зги, так что мне грозило скакать через лужайку обутой только наполовину. Со стены жалко свешивался кусок серой материи, еще минуту назад являвшийся ученической формой.

Неожиданно на плечи легло теплое тяжелое пальто, пахнущее приятным мужским благовонием.

– Вы что делаете? – вжала я голову в плечи.

Одежда опустилась ниже колен, скрывая непотребство.

– Сохраняю девичью честь и гордость, – улыбнулся он. – Вы знаете, как незаметно попасть в общежитие?

Когда за пять минут до переклички я ворвалась в комнату, Рита округлила и без того круглые глаза.

– Ты точно не будешь спрашивать, что со мной произошло! – рявкнула я, скидывая сначала мужское пальто, а потом свое ученическое с дырой на заду. Платье было не просто загублено, оно превратилось в рубашку.

– Об этом я тоже не должна спрашивать? – ошеломленно уточнила она, указав пальцем на грязные разодранные чулки, пристегнутые к кружевному поясу.

– Я не смогу пережить этот позор дважды, – процедила я, запихивая единственный грязный ботинок подальше под кровать. Огромный шкаф, занимавший добрую часть небольшой комнатенки, использовала только Ди, своих вещей мы в нем не хранили. Недолго думая, я забралась внутрь и сдернула с вешалки совсем новенькое форменное платье. Чтобы не терять время, нацепила поверх остатков собственного наряда.

Глядя в трюмо, я хотела расчесать волосы, а потом замерла, вдруг заметив внутри зеркального коридора неясную тень. Вряд ли обычные люди видели, да даже фее Рите было невдомек, что зеркало наше оказалось с сюрпризом! С каким? Хотелось бы мне знать…

В коридоре зазвенел грозный колокольчик, вызывавший пансионерок на перекличку.

* * *

Когда общежитие затихло, я воровато выбралась на улицу, чтобы отыскать ботинок и попытаться стянуть со стены кусок платья. К моему удивлению, полотнище исчезло, как и обувка. Не веря своим глазам, я даже зажгла огонек на ладони, едва тепливший ся, похожий на свечной язычок. Никаких доказательств вечернего приключения!

Я вздохнула с облегчением, и, как оказалось, зря! Ведь ботинок нашелся уже на следующее утро, и именно его, заскорузлый от грязи, трясла наставница Ру перед собранными в бальном зале студентками.

– Кому принадлежит сия мерзостная штука? – начала она скандал любимой фразой. На пол ссыпалась сухая глина. Благородные девицы, конечно, молчали, как шпионы на допросе.

Неожиданно дверь со скрипом отворилась, и в холодное помещение сунул нос Кристоф Ленар при полном параде. В смысле, он был одет в дурно сидящий костюм, прилизал волосы сахарной водой до состояния корки, нацепил на нос очки и ссутулился так отчаянно, будто его скрутило ревматизмом.

– Госпожа Ру, – позвал он, – я тут услышал, что сторож мой ботинок нашел?

– Ваш? – с изумлением повторила деканша, и по залу пробежались шепотки. – Но он же женский.

– Знаю, – очень странно хихикнул Ленар, вызвав в благородных девицах издевательские смешки. – Меня вечно сапожники обманывают. Могу забрать?

Потрясающе, но он ни разу не вышел из образа забитого жизнью и хорошим образованием существа!

С гримасой непередаваемого омерзения, держа за шнурки, Ру вручила грязный ботинок новому владельцу и недовольно поджала губы. Только кретин не понял бы, что размерчик на девичью изящную ножку взрослому мужчине явно поджимал пальцы. Однако благородные девицы в нашем институте никогда не отличались логикой и воображением, за моей спиной зашелестели ехидные шепотки:

– Я слышала, что богатство мужского гульфика определяется по размеру туфли.

– Неудачник, – отозвалась вторая сплетница. – Спорим, что он сбежал в провинцию от мамы?

– Девочки, грешно смеяться над убогими, – с азартом пошутила еще одна.

– Все свободны! – рявкнула наставница Ру и стремительной походкой покинула бальную залу. Переговариваясь и бросая на нового преподавателя насмешливые взгляды, девицы потянулись на завтрак.

– Я узнала твой ботинок, – едва слышно пробормотала Рита, утягивая меня к дверям. – Все еще не готова рассказать?

– Нет.

– Хорошо, но если лучшая подруга умрет от любопытства, то помни – виновата ты! – обиделась она, хотя знала, что правду не вытащит из меня даже раскаленными клещами. Ри подлила бы в еду сыворотку, развязывающую язык, но зелье решительно не действовало на представителей магической братии.

– Спасибо, – одними губами вымолвила я, когда мы прошли мимо Ленара.

За то, что он спас меня от домашнего ареста, в новом эротическом романе Бевиса Броза я решила подарить герою Кристофа умопомрачительный фигурный пресс с шестью кубиками. Он с честью их заслужил. А когда обнаружила под дверью коробку с разнесчастным ботинком, то от прилива чувств мысленно одарила еще и мастерским владением мечом. Пусть огрызается голодному дракону не голыми кулаками.

Глава 3. Неизведанные грани литературного таланта

– Вы же благородные девицы! – грохотала наставница Ру, тыча пальцем в стопку из трех зачитанных до дыр рукописей Бевиса Броза. – Цвет магических рас!

Цветок с зачатками магического дара и цветок, даром не обремененный, в смысле, мы с Ритой, покаянно опустили головы. С другой стороны, подружка с разноцветными волосами вполне могла сойти за розу из Волшебного леса, если, конечно, у них имелись полосатые розы…

– Госпожа Вермонт! – рявкнула деканша.

– Я здесь, профессор! – вздрогнула я, возвращаясь в реальность, где нас накрыли с поличным при передаче запрещенных рукописей и теперь пытали. Кабинет ведьмы Ру, в отличие от учебных аудиторий, был неплох – с камином и книжными шкафами, заставленными законоведческими сводами. В окно светило весеннее солнышко, и в косых лучах плавали пылинки, похожие на крошечные звездочки.

– Никогда бы не подумала, что вы интересуетесь подобной… – она сморщилась, – похабщиной! Вы же выпускница отделения изящной словесности!

Узнай ведьма Ру, что я не просто интересовалась, а сочиняла известное непотребство, то признала бы меня адептом разврата и предала анафеме. В смысле, заставила ректора отчислить из института, наплевав на высокие баллы и три месяца до выпуска.

– Декан Орди, вы ничего не хотите добавить? – напала Ру на едва сдерживающую зевоту наставницу отделения изящной словесности.

Мы знали, что копирование Орди считала прекрасной возможностью отработать изящность почерка, а чтение в любом виде – святым занятием, неважно, что на страницах книги герои предавались бесшабашному разврату.

Когда ведьма выдернула ее из дремоты, Орди не сразу сообразила, что подопечных надо ругать.

– Откровенно сказать, декан Ру, – распевным голосом поэтессы вымолвила она, – думаю, что наши благородные девицы уже в полной мере оценили тяжесть вины и готовы принять наказание.

Наказание?!

Я почти решила, что нам грозил домашний арест до конца финальных испытаний, но ведьма Ру всегда была изощренна в пытках. Она постучала грифельным карандашом по столешнице и резюмировала:

– В середине недели у первокурсниц запланирована экскурсия на драконью ферму. Будете помогать преподавателям.

Я незаметно перевела дыхание. Какое счастье, что нам не запретили выезжать в город!

– И еще! – добавила она. – Вам запрещено покидать стены замка до конца финальных испытаний.

Сглазила!

– Все ясно? – возвысила она голос.

– Да, наставница Ру, – промычали мы.

– Тогда свободны.

Плечом к плечу мы попятились к двери, боясь повернуться к ведьме спиной. Когда тихонечко выскользнули из кабинета в стылый коридор, то услышали, как декан Орди с укором заговорила:

– Итар, ты слишком строга к девочкам. До выпуска осталось три месяца. Они и так за глаза называют тебя ведьмой.

– Вот! – проскрежетала в ответ та. – Надо соответствовать.

Мы заторопились покинуть учительское крыло.

Копии Бевиса Броза изъяли, распотрошенные оригиналы романов литературный клуб уничтожал в камине столовой, а дата сдачи новой книги приближалась. Без преувеличений, я чувствовала себя жертвой маньяка, привязанной к рельсам и ожидавшей смерти от несущегося паровоза. Я находилась в таком отчаянье, что дозрела до кражи трактата у Кристофа.

– Пронесло, – вздохнула Рита, делая вид, будто рукавом форменного платья вытерла испарину. – Если бы она спросила, откуда взялся Бевис Броз, я бы не смогла соврать. Ты чего молчишь?

– Прости? – не услышала я стенаний подруги, мысленно создавая злодейский план грабежа.

– Расстроилась из-за наказания? По-моему, мы еще легко отделались.

– Угу…

Время было послеобеденное. Студентки собирались в столовой на полдник, и в зале царил гомон, точно на птицеферме. Не успели тетушки-подавальщицы разнести еду, как возле Риты появилась Нестейша, с загадочным видом прижимавшая к животу уже знакомую папку с розовым бантом. Писательница быстро набиралась житейской хитрости. Специально не стала дожидаться конца трапезы, понимая, что голодными из столовой мы вряд ли сбежим.

– Я придумала! – с радостью в голосе объявила она.

– А? – оглянулась через плечо Рита.

– Я придумала название для романа! – Она пристроила папку перед подругой, со звоном сдвинув посуду. – Смотри!

Без особенного интереса подпольная библиотекарша развязала тесемки. На титульном листе, венчавшем рукопись, красивыми буквами было выведено: «Четыре угла одного треугольника». Название пришлось пару раз перечитать. Если бы чертежник Эдон Рауф увидел, тотчас бы умер от сердечного приступа!

– Существо, незнакомое с геометрией… – Рита кашлянула, видимо, стараясь сдержать ругательства, – как ты придумала это название?

– Оно мне пришло на философии! – счастливо вздохнула писательница. – Знаешь? Слушала я о невыносимости бытия, и как сверкнуло в голове! Как сверкнуло!

– Заметно, – пробормотала Рита. – Я одного не понимаю, как твой МЖМ-треугольник растянулся до четвертого угла?

– Я вдруг поняла, что это МЖМА!

Отсутствие напитков не помешало мне заново подавиться. Теперь на вздохе.

– Чего? – коротко уточнила Рита.

– Мужчина – женщина – мама – арбалет! Арбалет, из которого герой пристреливает злодейку мамашу. Понимаешь тайный посыл? Все начинается с мужчины, а заканчивается оружием. – Всхлипнув, она прижала к румяной щечке ладошку и промычала: – Святые угодники, я гениальна!

Святые угодники! Умоляю, сжальтесь над бедняжкой, разучите Нестейшу Юн складывать слова в предложения!

– Даже «Желтая Шляпка» звучала лучше, – покачала головой Рита.

– Оставить прошлое название? – загорелась надеждой Несс.

– Думать дальше! – захлопнула папку строгая библиотекарша. – Ты же настоящий писатель! Заставь воображение работать.

На мой взгляд, Нестейше стоило пить успокоительные капли от воображения, но я мудро промолчала. Юные дарования, неожиданно открывшие талант к сочинительству, были такие же ранимые, как поэты. Страшно лишнее слово обронить.

После полдника мы с Ри в шумном коридоре встретили Кристофа. Держа в руках стопку работ, он направлялся в учительское крыло и нервно улыбался, когда благородные девицы принимались ехидно перешептываться.

– Говорят, что на занятиях он настоящий зверь, – пробормотала мне на ухо Рита, заставив чуточку наклониться. – Законницы уходят от него в слезах, а с виду выглядит безобидным… Не зря умные люди утверждают, что все маменькины сынки ненавидят женщин!

Мы как раз проходили мимо, так что сплетница прикусила язык и, засияв фальшивой улыбкой, поздоровалась на весь коридор:

– Добрый день, господин Ленар.

Даже дурак понял бы, кому мы только что перемывали косточки. Молчу уж про проницательного преподавателя.

– Добрый день, дамы, – чуть поклонился он, и работы посыпались из рук. – Ох! Какая неловкость!

Неловкость явно была тонко спланирована, чтобы усадить меня на пол. Ведь уступчивая простушка никогда не пройдет мимо нуждающегося в помощи учителя. Ленар присел на корточки и принялся сгребать студенческие труды, щедро расчеркнутые красным грифельным карандашом.

– София, поможете? – поторопил он меня, давая понять, что скоро нечего будет собирать и ему придется уронить еще что-нибудь.

– Конечно, господин преподаватель, – процедила я, хотя не имела никакого желания ползать на карачках. Ускакавшая в другой конец коридора Рита посылала мне воздушные поцелуи, мол, крепись, подруга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/efiminyuk_marina/skandal-v-institute-blagorodnyh-devic

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити